

**Маяковский Владимир
Владимирович**

Сборники стихотворений

**Москва
Книга по Требованию**

УДК 82-1
ББК 84-5

Маяковский Владимир Владимирович

Сборники стихотворений / Маяковский Владимир Владимирович – М.: Книга по Требованию, 2011. – 248 с.

ISBN 978-5-4241-1710-7

Избранные стихотворения 1893-1930 годов Стихотворения 1912-1916 годов
Стихотворения 1917-1919 годов "Окна сатиры Роста" 1919-1920 годов Стихо-
творения 1920-1925 годов Цикл стихотворений "Париж" (1925 год) Цикл
"Стихи об Америке" (1925 год) Стихотворения 1926 года Стихотворения 1927
года Стихотворения 1929-1930 годов Лозунги 1929-1930 годов .

ISBN 978-5-4241-1710-7

© Издание на русском языке, оформление, «
YOYO Media», 2011

© Издание на русском языке, оцифровка, «
Книга по Требованию», 2011

Маяковский Владимир
Сборники стихотворений

Владимир Маяковский
Сборники стихотворений

Избранные стихотворения 1893-1930 годов Стихотворения 1912-1916 годов
Стихотворения 1917-1919 годов "Окна сатиры Роста" 1919-1920 годов Стихо-
творения 1920-1925 годов Цикл стихотворений "Париж" (1925 год) Цикл
"Стихи об Америке" (1925 год) Стихотворения 1926 года Стихотворения 1927
года Стихотворения 1929-1930 годов Лозунги 1929-1930 годов

Избранные стихотворения 1893-1930 годов
КО ВСЕМУ

Нет. Это неправда. Нет! И ты? Любимая, за что, за что же?! Хорошо я ходил,
я дарил цветы, я ж из ящика не выкрал серебряных
ложек! Белый, сшатался с пятого этажа. Ветер щеки ожег. Улица клубилась,
визжа и ржа. Похотливо взлазил рожок на рожок.

Вознес над суетой столичной одури строгое древних икон чело. На теле
твоом - как на смертном одре сердце дни кончилось.

В грубом убийстве не пачкала рук ты. Ты уронила только: "В мягкой постели
он, фрукты, вино на ладони ночного столика".

Любовь! Только в моем воспаленном мозгу была ты! Глупой комедии оста-
новите ход! Смотрите срываю игрушки-латы я, величайший Дон-Кихот!

Помните: под ношей креста Христос секунду усталый стал. Толпа орала:
"Марала! Мааарррааала!"

Правильно! Каждого, кто об отдыхе взмолился, оплюй в его весеннем дне!
Армии подвижников, обреченным добровольцам от человека пощады нет!

Довольно!

Теперь - моей языческой силою! дайте любую красивую, юную, души не рас-
трачу, изнасилую и в сердце насмешку плюну ей!

Око за око!

Севы мести в тысячу крат жизни! В каждое ухо ввой: вся земля каторжник с
наполовину избитой солнцем головой!

Око за око!

Убьете, похороните выроюсь! Об камень обточатся зубов ножи еще! Собакой
забьюсь под нары казарм! Буду, бешеный, вгрызаться в ножища, пахнущие потом
и базаром.

Ночью вскочите! Я звал! Белым быком возрос над землей: Муууу! В ярмо
замучена шея-язва, над язвой смерчи мух.

Лосем обернусь, в провода впутая голову ветвистую с налитыми кровью
глазами. Да! Затравленным зверем над миром выстою.

Не уйти человеку! Молитва у рта, лег на плиты просящ и грязен он. Я возьму
намалюю на царские врата на божьем лице Разина.

Солнце! Лучей не кинь! Сохните, реки, жажду утолить не дав ему, чтоб тыся-
чами рождались мои ученики трубить с площадей анафему! И когда, наконец, на
веков верхи став, последний выйдет день им, в черных душах убийц и анархистов
зажгусь кровавым видением!

Светает. Все шире развешается неба рот. Ночь пьет за глотком глоток он. От
окон зарево. От окон жар течет. От окон густое солнце льется на спящий
город.

Святая месть моя! Опять над уличной пылью ступенями строк ввысь поведи!

До края полное сердце вылью в исповеди!

Грядущие люди! Кто вы? Вот - я, весь боль и ушиб. Вам завещаю я сад
фруктовый моей великой души.

1916

ОТНОШЕНИЕ К БАРЫШНЕ

Этот вечер решал не в любовники выйти ль нам? темно, никто не увидит нас,
Я наклонился действительно, и действительно я, наклонясь, сказал ей, как добрый
родитель: "Страсти крут обрыв будьте добры, отойдите. Отойдите, будьте добры".

1920

РАЗГОВОР

С ТОВАРИЩЕМ ЛЕНИНЫМ

Грудой дел,
суматохой явлений день отошел,
постепенно стемнев. Двое в комнате.

Я

и Ленин фотографией
на белой стене. Рот открыт
в напряженной речи, усов
щетка
вздернулась ввысь, в складках лба
зажата

человечья, в огромный лоб
огромная мысль. Должно быть,
под ним

проходят тысячи... Лес флагов...

рук трава... Я встал со стула,
радостью высвечен, хочется
идти,

приветствовать,

рапортовать! "Товарищ Ленин,

я вам докладываю

не по службе,

а по душе. Товарищ Ленин,

работа адская будет

сделана

и делается уже. Освещаем, одеваем нищ и оголь,
ширится

добыча

угля и руды...

А рядом с этим,

конечно,

много, много

разной

дряни и ерунды. Устаешь

отбиваться и отгрызаться.

Многие

без вас
отбились от рук. Очень
много
разных мерзавцев ходят
по нашей земле
и вокруг. Нету
им
ни числа,
ни клички, целая
лента типов
тянется. Кулаки
и волокитчики, подхалимы,
сектанты
и пьяницы, ходят,
гордо
выпятив груди, в ручках сплошь
и в значках нагрудных... Мы их
всех,
конечно, скрутим, но всех
скрутить
ужасно трудно. Товарищ Ленин,
по фабрикам дымным. по землям,
покрытым
и снегом вашим,
товарищ,
сердцем
и именем думаем,
дышим,
боремся
и живем!..." Грудой дел,
суматохой явлений день отошел,
постепенно стемнев. Двое в комнате.
Я
и Ленин фотографией
на белой стене.

1929

СЕБЕ, ЛЮБИМОМУ, ПОСВЯЩАЕТ ЭТИ СТРОКИ АВТОР

Четыре. Тяжелые, как удар. "Кесарево кесарю - богу богово". А такому, как я, ткнуться куда? Где для меня уготовано логово?

Если б был я маленький, как Великий океан, на цыпочки б волн встал, приливом ласкался к луне бы. Где любимую найти мне, такую, как и я? Такая не уместилась бы в крохотное

небо! О, если б я ниц был! Как миллиардер! Что деньги душе? Ненасытный вор в ней. Моих желаний разнузданной орде не хватит золота всех Калифорний.

Если б быть мне косноязычным, как Дант или Петрарка! Душу к одной зажечь! Стихами велеть истлеть ей! И слова и любовь моя триумфальная арка: пышно,

бесследно пройдут сквозь нее любовницы всех столетий.

О, если б был я тихий, как гром, ныл бы, дрожью обаял бы земли одряхлевший

скит.

Я если всей его мощью выреву голос огромный кометы заломят горящие руки, бросятся вниз с тоски.

Я бы глаз лучами грыз ночи о, если б был я тусклый, как солнце! Очень мне надо Сияньем моим поить Земли отошавшее лонце!

Пройду, любовищу мою волоча. В какой ночи, бредовой, недужной, какими Голиафами я зачат такой большой и такой ненужный?

1916

* * * * *

Уже второй. Должно быть, ты легла. В ночи Млечпуть серебряной Окою. Я не спешу, и молниями телеграмм мне незачем тебя будить и беспокоить. Как говорят, инцидент исперчен. Любовная лодка разбилась о быт. С тобой мы в расчете. И не к чему перечень взаимных болей, бед и обид. Ты посмотри, какая в мире тишь. Ночь обложила небо звездной данью. В такие вот часы встаешь и говоришь векам, истории и мирозданию.

1930

Стихотворения 1912 - 1916 годов

НОЧЬ

Багровый и белый отброшен и скомкан, в зеленый бросали горстями дукаты, а черным ладоням сбежавшихся окон раздали горящие желтые карты.

Бульварам и площади было не странно увидеть на зданиях синие тоги. И раньше бегущим, как желтые раны, огни обручали браслетами ноги.

Толпа - пестрошерстая быстрая кошка плыла, изгибаясь, дверями влекома; каждый хотел протачить хоть немножко громаду из смеха отлитого кома.

Я, чувствуя платья зовущие лапы, в глаза им улыбку протиснул; пугая ударами в жезл, хохотали арапы, над лбом расцветивши крыло попугая.

1912

УТРО

Угрюмый дождь скосил глаза. А за решеткой четкой железной мысли проводов перина. И на нее встающих звезд легко оперлись ноги Но гибель фонарей, царей в короне газа, для глаза сделала больней враждующий букет бульварных проституток. И жуток шуток клюющий смех из желтых ядовитых роз возрос зигзагом. За гам и жуть взглянуть отрадно глазу: раба крестов страдающе-спойно-безразличных, гроба домов публичных восток бросал в одну пылающую вазу.

1912

ПОРТ

Простыни вод под брюхом были. Их рвал на волны белый зуб. Был вой трубы - как будто лили любовь и похоть медью труб. Прижались лодки в люльках входов к соседям железных матерей. В ушах оглохших пароходов горели серыги якорей.

1912

ИЗ УЛИЦЫ В УЛИЦУ

Улица. Лица у догов годов резче. Через железных коней с окон бегущих домов

прыгнули первые кубы. Лебеди шей колокольных, гнитесь в силках проводов! В небе жирафий рисунок готов выпестрить ржавые чубы. Пестр, как форель, сын безузорной пашни. Фокусник рельсы тянет из пасти трамвая, скрыт циферблатами башни. Мы завоеваны! Ванны. Души. Лифт. Лиф души расстегнули. Тело жгут руки. Кричи, не кричи: "Я не хотела!" резок жгут муки. Ветер колючий трубе вырывает дымчатой шерсти клоч. Лысый фонарь сладострастно снимает с улицы черный чулок.

1913

А ВЫ МОГЛИ БЫ?

Я сразу смазал карту будня, плеснувши краску из стакана; я показал на блюде студия косые скулы океана. На чешуе жестяной рыбы прочел я зовы новых губ. А вы ноктюрн сыграть могли бы на флейте водосточных труб?

1913

ВЫВЕСКАМ

Читайте железные книги! Под флейту золоченой буквы ползут копченые сиги и золотокудрые брюквы.

А если веселостью песней закружат созвездия "Магги" бюро похоронных процессий свои проведут саркофаги.

Когда же, хмур и плачевен, загасит фонарные знаки, влюбляйтесь под небом харчевен в фаянсовых чайников маки!

1913

Я

1

По мостовой моей души изъезженной шаги помешанных вьют жестких фраз пяты. Где города повешены и в петле облака застыли башен кривые выи иду один рыдать, что перекрестком распяты городовые.

2

Несколько слов о моей жене

Морей неведомых далеким пляжем идет луна жена моя. Моя любовница рыжеволосая. За экипажем криливо тянется толпа созвездий пестрополосая. Венчается автомобильным гаражом, целуется газетными киосками, а шлейфа млечный путь моргающим пажем украшен мишурными блестками. А я? Несло же, палимому, бровей коромысло из глаз колодцев студеные ведра. В шелках озерных ты висла, янтарной скрипкой пели бедра? В края, где злоба крыш, не кинешь блестящей лесни. В бульварах я тону, тоской песков оваян: ведь это ж дочь твоя моя песня в чулке ажурном у кофеев!

3

Несколько слов о моей маме

У меня есть мама на васильковых обоях. А я гуляю в пестрых павах, вихрастые ромашки, шагом меряя, мучу. Заиграет вечер на гобоях ржавых, подхожу к окошку, веря, что увижу опять севшую на дом тучу. А у мамы больной пробегают народа шорохи от кровати до угла пустого. Мама знает это мысли сумасшедшей ворохи вылезают из-за крыш завода Шустова. И когда мой лоб, венчанный шляпой фетровой, окровавит гаснущая рама, я скажу, раздвинув басом ветра вой: "Мама. Если станет жалко мне вазы вашей муки, сбитой каблуками облачного танца, кто же изласкает золотые руки, вывеской заломленные у витрин Аванцо?..."

Несколько слов обо мне самом

Я люблю смотреть, как умирают дети. Вы приборя смеха мгlistый вал заметили за тоски хоботом? А я в читальне улиц так часто перелистывал гроба том. Полночь промокшими пальцами щупала меня и забитый забор, и с каплями ливня на лысине купола скакал сумасшедший собор. Я вижу, Христос из иконы бежал, хитона оветренный край целовала, плача, слякоть. Кричу кирпичу, слов иступленных вонзаю кинжал в неба распухшего мякоть: "Солнце! Отец мой! Сжался хоть ты и не мучай! Это тобою пролитая кровь моя льется дорогою дольней. Это душа моя ключьями порванной тучи в выжженном небе на ржавом кресте колокольни! Время! Хоть ты, хромой богомаз, лик намалой мой в божнице уродца века! Я одинок, как последний глаз у идущего к слепым человека!"

1913

ОТ УСТАЛОСТИ

Земля! Дай исцелю твою лысеющую голову лохмотьями губ моих в пятнах чужих позолот. Дымом волос над пожарами глаз из олова дай обовью я впалые груди болот. Ты! Нас - двое, ораненных, загнанных ланями, вздыбилось ржанье оседланных смертью коней, Дым из-за дома догонит нас длинными дланями, мутью озлобив глаза догнивающих в ливнях огней. Сестра моя! В богадельнях идущих веков,

может быть, мать мне сыщется; бросил я ей окровавленный песнями рог. Квакая, скачет по полю канава, зеленая сыщица, нас заневолить веревками грязных дорог.

1913

АДИЩЕ ГОРОДА

Адище города окна разбили на крохотные, сосущие светом адки. Рыжие дьяволы, вздымались автомобили, над самым ухом взрывая гудки.

А там, под вывеской, где сельди из Керчи сбитый старикашка шарил очки и заплакал, когда в вечерюшем смерче трамвай с разбега взметнул зрачки.

В дырах небоскребов, где горела руда и железо поездов громоздило лаз крикнул аэроплан и упал туда, где у раненого солнца вытекал глаз.

И тогда уже - скомкав фонарей одеяла ночь излюбилась, похабна и пьяна, а за солнцами улиц где-то ковыляла никому не нужная, дряблая луна.

1913

НАТЕ!

Через час отсюда в чистый переулочек вытечет по человеку ваш обрюзгший жир, а я вам открыл столько стихов шкатулок, я - бесценных слов мот и транжир.

Вот вы, мужчина, у вас в усах капуста где-то недокушанных, недоеденных щей; вот вы, женщина, на вас белила густо, вы смотрите устрицей из раковин вещей.

Все вы на бабочку поэтиного сердца взгромоздитесь, грязные, в калошах и без калош. Толпа озверев, будет тереться, ошетинит ножки стоголавая вошь.

А если сегодня мне, грубому гунну, кривляться перед вами не захочется - и вот я захохочу и радостно плюну, плюну в лицо вам я - бесценных слов транжир и мот.

1913

НИЧЕГО НЕ ПОНИМАЮТ

Вошел к парикмахеру, сказал - спокойный: "Будьте добры, причешите мне уши". Гладкий парикмахер сразу стал хвойный, лицо вытянулось, как у груши. "Сумасшедший! Рыжий!" запрыгали слова. Ругань металась от писка до писка, и до-о-о-о-лго хихикала чья-то голова, выдерживаясь из толпы, как старая редиска.

1913

КОФТА ФАТА

Я сошью себе черные штаны из бархата голоса моего. Желтую кофту из трех аршин заката. По Невскому мира, по лощеным волосам его, профланирую шагом Дон-Жуана и фата.

Пусть земля кричит, в покое обабившись: "Ты зеленые весны идешь насилловать!" Я брошу солнцу, нагло ослабившись: "На глади асфальта мне хорошо грассировать!"

Не потому ли, что небо голубо, а земля мне любовница в этой праздничной чистке, я дарю вам стихи, веселые, как би-ба-бо, и острые и нужные, как зубочистки!

Женщины, любящие мое мясо, и эта девушка, смотрящая на меня, как на брата, закидайте улыбками меня, поэта, я цветами нашую их мне на кофту фата!

1914

ПОСЛУШАЙТЕ!

Послушайте! Ведь, если звезды зажигают значит - это кому-нибудь нужно? Значит - кто-то хочет, чтобы они были? Значит - кто-то называет эти плевочки жемчужиной? И, надрываясь в метелях полуденной пыли, врывается к богу, боится, что опоздал, плачет, целует ему жилистую руку, просит чтоб обязательно была звезда! клянется не перенесет эту беззвездную муку! А после ходит тревожный, но спокойный наружно. Говорит кому-то: "Ведь теперь тебе ничего? Не страшно? Да?!" Послушайте! Ведь, если звезды зажигают значит - это кому-нибудь нужно? Значит - это необходимо, чтобы каждый Вечер над крышами загоралась хоть одна звезда?!

1914

А ВСЕ-ТАКИ

Улица провалилась, как нос сифилитика. Река - сладострастье, растекшееся в слюни. Отбросив белье до последнего листика, сады похабно развалились в июне.

Я вышел на площадь, выжженный квартал надел на голову, как рыжий парик. Людям страшно - у меня изо рта шевелит ногами непрожеванный крик.

Но меня не осудят, но меня не облают, как пророку, цветами устелят мне след. Все эти, провалившиеся носами, знают: я - ваш поэт.

Как трактир, мне страшен ваш страшный суд! Меня одного сквозь горящие здания проститутки, как святыню, на руках понесут и покажут богу в свое оправдание.

И бог заплачет над моею книжкой! Не слова - судороги, слипшиеся комом; и побежит по небу с моими стихами под мышкой и будет, задыхаясь, читать их своим знакомым.

1914

ВОЙНА ОБЪЯВЛЕНА

"Вечернюю! Вечернюю! Вечернюю! Италия! Германия! Австрия!" И на площадь, мрачно очерченную чернью, багровой крови пролилась струя!

Морду в кровь разбила кофейня, зверьим криком багрима: "Отравим кровью игры Рейна! Громами ядер на мрамор Рима!"

С неба, изодранного о штыков жала, слезы звезд просеивались, как мука в сите, и подошвами сжатая жалость визжала: "Ах, пустите, пустите, пустите!"

Бронзовые генералы на граненом цоколе молили: "Раскуйте, и мы поедем!" Прощающейся конницы поцелуй цокали, и пехоте хотелось к убийце - победе.

Громоздящемуся городу уродился во сне хохочущий голос пушечного баса, а с запада падает красный снег сочными ключьями человеческого мяса.

Вздувается у площади за ротон ротa, у злящейся на лбу вздуваются вены. "Постойте, шашки о шелк коготок вытрем, вытрем в бульварах Вены!"

Газетчики надрывались: "Купите вечернюю! Италия! Германия! Австрия!" А из ночи, мрачно очерченной чернью, багровой крови лилась и лилась струя.

20 июля 1914 г.

МАМА И УБИТЫЙ НЕМЦАМИ ВЕЧЕР

По черным улицам белые матери судорожно простерлись, как по гробу глазет. Вплакались в орущих о побитом неприятеле: "Ах, закройте, закройте глаза газет!"

Письмо.

Мама, громче! Дым. Дым. Дым еще! Что вы мямлите, мама, мне? Видите весь воздух вымощен громящим под ядрами камнем! Ма-а-а-ма! Сейчас притащили израненный вечер. Крепился долго, кургузый, шершавый, и вдруг, надломивши тучные плечи, расплакался, бедный, на шее Варшавы Звезды в платочках из синего ситца визжали: "Убит, дорогой, дорогой мой!" И глаз новолунья страшно косится на мертвый кулак с зажатой обоймой. Сбежались смотреть литовские села, как, поцелуем в обрубок вкована, слеза золотые глаза костелов, пальцы улиц ломала Ковна. А вечер кричит, безногий, безрукий: "Неправда, я еще могу-с хе! выбрыцав шпоры в горячей мазурке, выкрутить русский ус!"

Звонок.

Что вы, мама? Белая, белая, как на гробе глазет. "Оставьте! О нем это, об убитом, телеграмма. Ах, закройте, закройте глаза газет!"

1914

СКРИПКА И НЕМНОЖКО НЕРВНО

Скрипка издержалась, упрашивая, и вдруг разревелась так по-детски, что барабан не выдержал: "Хорошо, хорошо!" А сам устал, не дослушал скрипкиной речи, шмыгнул на горящий Кузнецкий и ушел. Оркестр чужо смотрел, как выплакивалась скрипка без слов, без такта, и только где-то глупая тарелка вылезгивала: "Что это?" "Как это?" А когда геликон меднорожий, потный, крикнул: "Дура, плакса, вытри!" я встал, шатаясь полез через ноты, сгибающиеся под ужасом пюпитры зачем-то крикнул: "Боже!", бросился на деревянную шею: "Знаете что, скрипка? Мы ужасно похожи: я вот тоже ору а доказать ничего не умею!" Музыканты смеются: "Влип как! Пришел к деревянной невесте! Голова!" А мне - наплевать! Я - хороший. "Знаете что, скрипка? Давайте будем жить вместе! А?"

1914